

С поразительной точностью в «Исповеди» описаны впечатления, воздействия, влияния и сомнения, перемены в настроении; разочарование в знаменитом Фавсте, защитнике манихейской доктрины; встречи с Амвросием, под влиянием которого он по-новому стал читать Писание; беседы с друзьями — Алипием и Небридием; случайные, но каждый раз знаменательные встречи¹, мучительные размышления о главном: откуда и что есть зло? Как примирить существование зла с тем, что все сотворено всемогущим и всеблагим Богом (вопрос, на который некогда ответил Эпикур категорическим отрицанием вмешательства бога или богов в жизнь человеческую): откуда зло?.. По изволению Бога или по попустительству Бога? Колебания между преуспеванием в школе риторской, успехами в свите Валентиниана II, подготовки к будущему браку е последующим — уже полным! — погружением в жизнь светскую, в «жизнь по плоти»... и стремлением к церкви, к крещению. Новые встречи с Виндицианом, Фирмином, духовным наставником Амвросия — Симплицианом (его рассказ о крещении Викторина произвел глубокое впечатление на Августина); рассказ земляка-христианина Понтициана об отшельничестве Антония и о монахах-

¹ Так, в день, когда Августин должен был произнести похвальную речь императору Валентиниану II, «в которую, следуя советам знатоков красноречия, я вплеп немало лести и лжи, когда душа моя задышалась от заботы среди изнуряющих дум, мечась из стороны в сторону, я, проходя по одной из медиоланских улиц, заметил нищего, веселого и слегка хмельного. Меня охватило какое-то странное успокоение, и я заговорил с друзьями о том, как страдаем мы от собственного безумия; уязвляемые желаниями, мы влачим за собою груз своих несчастий, умножая их собственными усилиями, вроде тогдашних моих, и желаем при этом одного: достичь покоя и блаженства. Достигнем ли мы этого — Бог весть, но ясно, что этот нищий опередил нас. Выклянчив несколько жалких монет, он достиг счастья преходящего благополучия, к которому я шел такими извилистыми и тяжелыми путями. У него, правда, не было настоящей радости, но была ли истиннее та, которую я искал на путях моего тщеславия? При этом он веселился, а я пребывал в тоске, он был спокоен, меня же снедала тревога... Да не смутят мою душу уверения тех, кто скажет, что есть разница в том, чем радуется человек, что, дескать, нищий радовался вину, а ты — славе. Какой славе, Господи? По крайней мере не той, которая в Тебе» Чем истиннее была радость от славы радости от вина? Разве что тем, что слава крепче ударяла в голову... он был счастливее и потому, что он выпросил себе на вино, осыпая людей добрыми пожеланиями, я же хотел удовлетворить свое тщеславие ложью» (*Августин Блаженный, Исповедь // Творения. В 4 т. Т. 1. С. 549-550*).